

ҚАЗАҚСТАН
ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ

ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ

МАТЕРИАЛДЫҚ

ЕМЕС МӘДЕНИ МҰРАЛАРЫН

ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ:

ТОПОНИМИКА,

ЭПИГРАФИКА, ӨНЕР

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

НЕМАТЕРИАЛЬНОГО

КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

НАРОДОВ КАЗАХСТАНА

И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:

ТОПОНИМИКА,

ЭПИГРАФИКА,

ИСКУССТВО

Министерство культуры и спорта Республики Казахстан

Казахский научно-исследовательский институт культуры

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТОПОНИМИКА, ЭПИГРАФИКА, ИСКУССТВО**

Сборник материалов международной научной конференции

г. Астана,
18–19 ноября 2014 г.

Издательство EVO PRESS
Алматы
2014

УДК 930.85

ББК 63.3

П 78

Издание осуществлено в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Проведение прикладных научных исследований по изучению истории, археологии, этнографии, культуры и искусства номадов» Министерства культуры и спорта и оплачено за счет программно-целевого финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан

Редакционная коллегия:

А.Р. Хазбулатов (председатель), И.В. Ерофеева (отв. ред.), А.Е. Рогожинский, Н.Б. Базылхан

Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. – Алматы: Издательство EVO PRESS, 2014. – 292 с. + 32 с. вкл.

ISBN 978-601-230-050-5

В сборник вошли статьи и сообщения участников международной научной конференции (г. Астана, 18–19 ноября 2014 г.), посвященной актуальным проблемам нематериального культурного наследия кочевых народов Казахстана и Центральной Азии от эпохи античности до конца нового времени.

В публикуемых материалах отражаются результаты новейших научных исследований отечественных и зарубежных специалистов по исторической топонимике, эпиграфике, удостоверительным знакам-тамгам и искусству евразийских кочевников разных эпох, рассмотрено функциональное назначение выявленных топонимических объектов, изображений и текстов в разных сферах жизни кочевых народов; раскрыто их значение как памятников духовной культуры номадов региона.

УДК 930.85

ББК 63.3

ISBN 978-601-230-050-5

© Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2014

© ТОО «Издательство EVO PRESS», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	8
--------------------------------	---

ЧАСТЬ 1

З. А. Джандосова, И. В. Ерофеева Имя страны: история макротопонима <i>Қазақстан/Казахстан</i>	10
Г. Абжанова Основные проблемы топонимики Казахстана. Топонимика Восточно-Казахстанской области.....	25
Т. Т. Аршабеков Бұқар жырау ауданы бойынша тарихи топонимдерінің ерекшеліктері.....	33
А. А. Бурькин Гидронимы Западной и Средней Сибири. Иртыш.	39
А. П. Горбунов Особенности формирования некоторых топонимов Казахстана	46
З. А. Джандосова Десять Туркестанов: разные значения одного топонима	56
И. В. Ерофеева Историческая топонимика Казахстана как составная часть культурного наследия номадов.....	66
С. Т. Кожаметова Этимология топонима <i>Казалы</i>	81
Е. Ж. Оразбек Некоторые топонимы центральной Сарыарки (по материалам этнографо-топонимической экспедиции 2014 г.)	87
М. К. Семби Тюркский фольклор как основа этимологизации топонимов.....	94
Т. Д. Скрынникова Отражение деятельности Чингис-хана в топонимике бурят	99

ЧАСТЬ 2

А. Р. Хазбулатов Мир кочевников и мир искусства: зверинный стиль в системе мировоззренческих координат древних номадов	109
С. Боранбаева Көкше өңірінің қазіргі заман музыкалық фольклоры	118
И. В. Кульганек Монгольский поэтический фольклор: жанровый состав	127
М. Муканов, М. Сулейменов Технология «Гибкого Чия» в искусстве современного казахского гобелена.	137
Б. Е. Оспанов, Ж. Н. Шайгозова, М. Э. Султанова Культ священных деревьев и домбра	151
Қ. Ә. Төлен Сыбызғы жайлы сыр шертсек	161
Н. С. Яхонтова Рукописное наследие ойратов в собрании Института восточных рукописей РАН	176

ЧАСТЬ 3

Г. Бабаяров, А. Кубатин К вопросу о некоторых доисламских монетах Отрара	183
Н. Базылхан Реконструкция и этимология некоторых названий тамг тюрко-монгольских этносов VIII–XIV вв.	195
Д. Ж. Ерботина Малоизвестные материалы И. М. Казанцева по родословию Абулхаир-хана.	207
А. Курумбаев, Ж. Курумбаева Кульпытасы как памятники истории и эпиграфики букеевской орды	218
А. К. Муминов, А. Ш. Нурманова, Д. Е. Медерова Эпиграфические памятники Западно-Казахстанской области как источник по общественно-политической и духовной истории Казахстана	224

А. Н. Мухарева Изображения тамг на памятниках наскального искусства севера Минусинской котловины.	237
Г. С. Мырзагалиева Изучение надгробных памятников некрополя <i>Хан зираты</i>	248
А. Е. Рогожинский Сословно-династические знаки казахских торе.	262
Е. А. Смагулов, С. А. Яценко Новые находки серий доисламских знаков/тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром.	274
А. К. Таласбаева Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII–XIX вв.	283
Сведения об авторах	288
Список сокращений	290

А. Е. РОГОЖИНСКИЙ

СОСЛОВНО-ДИНАСТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ КАЗАХСКИХ ТОРЕ

Персональные печати и «своеручные» тамги служили в XVIII–XIX вв. атрибутами власти и удостоверительными знаками казахских торе, генеалогически связанных с династийным древом чингизидов (джучидов) и выступавших в роли системообразующего ядра привилегированной социальной группы ак-суйек [Ерофеева, 2003. С. 12–13]. О применении сословием торе печатей и тамг в более раннее время имеются косвенные свидетельства источников [Ерофеева, 2001. С. 10–11, 15], но уверенно обозначить круг аутентичных и достоверно атрибутированных памятников второй половины XV–XVII в., отмеченных знаками казахских чингизидов, пока не удастся. При этом если всестороннему изучению казахской чингизидской сфрагистики уже положено успешное начало [Ерофеева, 2001], тамги торе вплоть до настоящего момента не становились предметом специального научного исследования. Это создает почву в профессиональной и неакадемической среде для тиражирования неточных изображений знаков, их некорректных сопоставлений и построения заведомо ошибочных интерпретаций исторического характера. Поэтому ключевым вопросом нашей темы исследования становится выяснение истинных форм знака торе в условиях их активного применения казахскими чингизидами XVIII–XIX вв.

В отличие от родоплеменных знаков казахов, тамги торе и других сословных групп традиционного казахского общества (кожа, туленгутов, шалаказахов) ни в дореволюционном востоковедении, ни тем более в советской науке устойчивого интереса не вызывали. Тамги торе фиксировались исследователями от случая к случаю в разных регионах страны и всегда лишь в дополнение к родоплеменным знакам, многообразие которых привлекало «старых востоковедов» [Аристов, 1896; Соколов, 1904] и советских ученых [Аманжолов, 1959; Кузеев, 1974] заманчивой перспективой разобраться с их помощью в проблеме формирования казахского народа и выяснения роли вошедших в него племен в этногенезе других народов Центральной Азии и Восточной Европы. На фоне таких масштабных целей отличительные знаки «султанского сословия», представлявшегося дореволюционным авторам достаточно однородным в социально-политическом и генеалогическом отношении, глубокого интереса не пробуждали.

Регистрация сословно-личных знаков торе начала осуществляться российскими исследователями в последней четверти XVIII в., эпизодически продолжалась

в следующем столетии и завершилась в начале XX в. Стараниями нескольких поколений ученых дореволюционной поры собраны ценные этнографические сведения о тамгопользовании казахских джучидов, выявлены семь разновидностей их знаков, для обозначения которых применялись разные наименования: «джя-ок»/«жаа-ок», «хан-тамга», «тарак-тамга», «султанская тамга». Были сделаны также попытки объяснить многообразие форм «дворянской тамги, то есть тамги султанов» [Потанин, 1881б], ее сходство с тамгами отдельных казахских племен и с династическими знаками других генеалогических ветвей джучидов [Аристов, 1896; Соколов, 1904; Castagne, 1921]. В трудах отдельных авторов [Андреев, 1896; Соколов, 1904] воспроизведены тамги, заимствованные из подлинных архивных документов официальной переписки казахских торе с оренбургской и западносибирской администрацией. В большинстве случаев компетентными информаторами, снабжавшими исследователей достоверными сведениями о тамгах, выступали сами представители султанского сословия, которые принадлежали к разным генеалогическим ветвям казахских джучидов, возглавлявшим племена Младшего и Среднего жузов. В целом, собранные дореволюционными авторами данные заслуживают наибольшего внимания и доверия (рис. 1).

В советский период историографическая традиция изучения геральдических знаков «классово чуждого» аристократического сословия торе прервалась в отечественной науке на многие десятилетия. Дореволюционные печатные издания, содержавшие основной фонд накопленных по данной теме источников, очень скоро приобрели статус библиографических раритетов – малодоступных даже для специалистов. Исключением стало академическое переиздание известной работы Л. Ф. Баллюэка, в которой изображение «ханской тамги» (т) «в виде готической буквы М» изначально воспроизводилось неточно (М) с помощью латинской прописной буквы «m» [Баллюэк, 1948. С. 220; ср. Баллюэк, 1871. С. 166]. Два десятилетиями раньше сословные знаки торе в первый и последний раз в советской науке представили в книге М. Т. Тынышпаева, изданной в Ташкенте [Тынышпаев, 1925. С. 30]. Здесь тоже неудачно подобранные типографские литеры весьма условно, с искажениями передавали форму многих родоплеменных знаков казахов и двух тамг торе. Одна из них (Э) была воспроизведена с помощью заглавной буквы «Э», развернутой горизонтально, а для второй тамги (т) использован знак перевернутого трезубца с заостренными концами. Ни то, ни другое не имеет сходства с истинной формой «хан-тамги», но, к удивлению, именно знак-трезубец, наряду с другими стилизованными вариантами, особенно часто фигурирует в наши дни как достоверное изображение эмблемы казахских чингизидов [Сабитов, 2008; см. обложку и титул]. Избирательное, без научной критики и комментариев факсимильное переиздание раритетов [Тынышпаев, 2014] способно лишь усугубить историографический парадокс.

В новейшее время с ростом публикаций, основанных на изучении большого числа исторических документов из ранее труднодоступных архивных фондов

Казахстана и зарубежья, а также на исследовании монументальных памятников архитектуры, эпиграфики в разных регионах страны, заметно расширился круг источников по казахской чингизидской тематике, в том числе по тамгопользованию торе. Появилась возможность дополнить и уточнить данные, собранные дореволюционными исследователями. Прежде всего, более отчетливо проявилось многообразие эмблем, использовавшихся разными группами торе в течение XVIII – начала XX в., которому сопутствует существование нескольких неодинаковых по смыслу наименований знаков. Возможно, множественность названий отражает не только разнообразие формы и допустимых способов изображения тамги, но и стоящие за этим определенные исторические, социально-политические, хронологические и иные существенные отличия условий ее предъявления. Закономерно возникает вопрос: существовала ли в указанный период единая сословно-династическая эмблема казахских торе или же имелась серия равноценных по значению знаков, отличавшихся по форме? Речь также может идти о возможном сосуществовании нескольких знаков казахских джучидов, различавшихся по начертанию и условиям предъявления. Установить природу отличий геральдических знаков торе помогает анализ известных источников.

Основу нашего исследования составляют материалы библиографических, архивных изысканий и полевых исследований, проведенных в 2012 и 2014 гг. группой сотрудников КазНИИ культуры МКиС РК (в 2012 г. – КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов МК РК) в ходе реализации под руководством автора программы работ одного из разделов темы научного проекта (рук. И. В. Ерофеева), итогам которого посвящена настоящая конференция. Ценным дополнением служат также новые материалы современных исследователей эпиграфических памятников Букеевской Орды, вошедшие в данное издание (см. статьи Г. С. Мырзагалиевой, А. К. Муминова и др.). Особую важность для обсуждения темы имеют памятники средневековой эпиграфики из ущелий Терексай, Кулансай и археологические материалы с городища Садыр-курган (Шельджи) в Таласской долине на территории Кыргызстана, непосредственное ознакомление с которыми стало возможным для автора в 2014 г. благодаря любезному содействию археолога Б. Э. Аманбаевой (Институт истории и культурного наследия НАН КР, Бишкек) и краеведа М. Ф. Тура (с. Кызыл-Адыр).

В письменных документах из 11-ти фондов Центрального государственного архива Казахстана (ЦГА РК) на текущий момент нами выявлено более восьмидесяти достоверных знаков торе. Коллекция знаков представительна в хронологическом отношении, охватывая временной отрезок с 1824 по 1886 г. Она дополняется верифицированными данными дореволюционных ученых (тамга Вали-хана (1781–1821) по: *Андреев*, 1998. С. 46) и эпиграфическими материалами из Западного Казахстана (тамга Есим-хана (1795–1797), сына Нуралы-хана (см. статью А. К. Муминова, А. Ш. Нурмановой, Д. Е. Медеровой в настоящем сборнике);

знаки на надгробных памятниках некрополей Букеевской Орды [Ажигали, 2002. С. 169–170, 560–567, рис. 209, 411, 418–420]), благодаря которым нижняя граница интервала может быть доведена до 1785 г., а верхняя достигает первых десятилетий прошлого столетия. Все персональные тамги торе конца XVIII – второй половины XIX в. идентифицированы в родословной схеме казахских джучидов [Ерофеева, 2003; Сабитов, 2008].

В собрании имеется несколько серий разновременных знаков, принадлежащих одним и тем же лицам, что позволяет проследить изменяемость формы персональных тамг в течение жизни их предъявителей (например, тамги 1847 и 1869 гг. султана Старшего жуза Жоши, сына Суюка и внука Абылай-хана). Значительную часть коллекции составляют собственноручные тамги многих известных исторических личностей, например, султанов Кошека, родного брата Кенесары Касымова (1802–1847), Сыздыка (Садыка) и Тайшика, сыновей Кенесары, а также Кунимжанханым, его первой жены. Такие фамильные серии знаков помогают определить связи разных видов тамг в системе гендерных отношений. Ценные наблюдения над изменяемостью знаков позволяют сделать группы тамг, включающие персональные эмблемы лиц ханского достоинства и их «некоронованных» прямых потомков – сыновей и дочерей (например, Жангира, хана Букеевской Орды, его трех сыновей Сахибкерея, Ибрагима, Ахметкерея и дочери Зухры).

Несколько рисунков включены в коллекцию идентифицированных знаков условно: 1) зарисовка Г.Н. Потаниным тамги султана Самаркана, кочевавшего в 1870-е гг. в верховьях Черного Иртыша; 2) зарисовки знаков султанов Кадыргали Узбекгалиева и Бийсалы Каратаева, сделанные в 1850 г. чиновником особых поручений В.М. Лазоревским с пометой «употребляемая им тамга общепринята султанами ᠰᠡ᠋ᠳᠢᠬᠡ или ᠰᠡ᠋ᠳᠢᠬᠡ » [ИКРИ-8. С. 128]; 3) тамга султана Алтынгазы (Алтын) Нурмухамедова (ᠠᠯᠲᠢᠨ), зарисованная в 1851 г. коллежским секретарем Абдулкадыром Субханкуловым [ИКРИ-8. С. 190, 569–570]. Во всех перечисленных случаях компетентность информаторов и добросовестность регистраторов тамговых знаков допускаются a priori.

Таким образом, совокупная коллекция идентифицированных тамг казахских торе насчитывает около ста персональных знаков, датированных в интервале 1785–1913 гг., охватывая полностью XIX столетие. В историко-географическом отношении собрание образуют знаки представителей торе, связанных условиями совместного кочевания или управления с разными родоплеменными подразделениями казахов Старшего, Среднего и Младшего жузов на всей территории Казахстана, а также некоторых смежных областей Узбекистана и Монголии.

Таблица (рис. 2) иллюстрирует распространение разных видов знаков среди представителей нескольких ветвей генеалогии казахских торе, ведущих свое происхождение от султанов Жадика («старшая» ветвь династии) и Осека («младшая» ветвь династии), сыновей хана Жанибека (1465–1474), одного из основателей Казахского ханства. Необходимо отметить присутствие среди аутентичных знаков торе

всех разновидностей, выявленных дореволюционными исследователями, что еще раз подтверждает достоверность этих данных. Но помимо семи известных знаков, имеются тамги, не зафиксированные ранее.

Тамга 1 – «тарак-тамга» (П), иконический знак, простейшая форма начертания тамги казахских торе. Зафиксирована у султанов Среднего и Старшего жузов – потомков Кушык-хана (ум. после 1785), Букей-хана (1816–1819) и Абылай-хана (1771–1780), относившихся к «старшей» ветви казахских джучидов.

Тамга 2 – вариант «тарак-тамги» с закругленным окончанием правой (П) или левой (П) опорной линии. Впервые зафиксирована в рукописи капитана И. Г. Андреева [Андреев, 1998. С. 46] как персональная монограмма Вали-хана (1781–1821). Простейший вариант такой султанской тамги (без завитка на окончании наклонной опорной линии) зарисован Г. Н. Потаниным в Северо-Западной Монголии [Потанин, 1881а. Табл. XXVI, 27]. В коллекции рукописных тамг все варианты присутствуют среди персональных знаков потомков Букей-хана и Тауке-хана (1680–1715).

Тамга 3 – «джя-ок»/«жаа-ок», то есть лук со стрелой (Л); «султанская тамга называется хан-тамга» [Ефименко, 1874. С. 275. Приложение, № 351]. Впервые опубликованная П. С. Ефименко, а позже Н. И. Гродековым [Гродеков, 1889. Приложение 2. С. 7] эта тамга (Л) применялась всеми казахскими джучидами наряду с другими разновидностями знаков. В рукописных начертаниях знака встречаются образцы, усложненные короткой горизонтальной чертой под средней опорной линией (Л), или, наоборот, упрощенные – с отходящими в противоположные стороны под прямым углом черточками под крайними опорными линиями (Л).

Тамга 4 – вариант «хан-тамги» (Л) с выступающей вверх средней опорной линией. Опубликована впервые в труде А. Н. Харузина «Киргизы Букеевской орды» как одна из трех разновидностей «хан-тамги»: «...у султанов, ходжей и теленгутов тамга ханская: М М Л» [Харузин, 1889. С. 151]. В статье «О башкирских тамгах» Д. Н. Соколов привел образец такой султанской тамги, заимствовав ее из «дела архива Орен[бургского] ген[ерал]-губ[ернаторства] о приводе киргизов к присяге в 1826 году» [Соколов, 1904. С. 70, 91–92]. В коллекции рукописных тамг такой знак многократно встречается у потомков ханов Абылая, Самеке (ум. в 1738), Барака (1749–1750) и Кушыка. Графические разновидности формы отмечены по нисходящей линии Барак-хана (Л) [ЦГА РК. Ф. 374. Оп.1. Д. 1310. Л. 74] и Самеке-хана (Л) [там же. Л. 74, 84об.].

Тамга 5 – имеет форму «хан-тамги» (тамга 3), но отличается от нее (Л) скругленными плечиками, переходящими в боковые линии с загнутыми вверх окончаниями. Как одна из основных султанских тамг этот знак зафиксирован А. Н. Харузиным в конце XIX в. на территории бывшего Букеевского ханства и А. И. Добросмысловым в Тургайской области [Добросмыслов, 1893. С. 101–102, табл. 1]. В рукописных документах знак представлен единичными образцами у потомков Абылай-хана, Кушык-хана и Каип-хана II (1746–1756).

Тамга 6 – вариант «хан-тамги» (𐰉), соединяющий в себе особенности двух предыдущих знаков: скругленные плечики и выступающую вверх центральную опорную линию. Знак встречается сравнительно нечасто, но зафиксирован как в рукописных документах представителей «старшей» ветви казахских чингизидов по линии ханов Кушыка, Жангира, сына султана Канишер-Абылая, и Болата (1715–1724/1725), так и на мемориалах (кулпытасах) торе «младшей» ветви династии (Есим-хан; Атан-ханым, жена Букей-хана).

Тамга 7 – вариант «хан-тамги», дополненной сверху окружностью (𐰊), соединенной непосредственно с основной фигурой или с помощью удлиненной осевой опорной линии. Знак впервые зарисован в 1851 г. как тамга султана Алтынгазы, внука Каип-хана II, затем опубликован Н. И. Гродековым в 1889 г. В коллекции «своеручных» тамг этот редкий знак принадлежит Кунимжан-ханым, жене хана Кенесары, и их сыну Тайшику.

Тамга 8 – «тамга ханов Букеевской, или Внутренней Орды», как свидетельствует автограф на проекте княжеского фамильного герба, подготовленном султанам Ибрагимом Чингисом, сыном хана Жангира, в 1853–1855 гг. [Мукаатаев, Ирхина. 2003. С. 65–73, фото на С. 69]. Знак «в виде готической буквы М», стилизованный под монограмму или вензель и весьма отдаленно напоминающий вероятные прототипы – «тарак-тамгу» или «хан-тамгу» в форме лука со стрелой (тамга 3). Первые публикации знака [Калмыцкая степь, 1868. С. 170; Ефименко, 1874. С. 279, № 343] содержат сильно искаженное изображение тамги «киргизского хана Внутренней орды» (𐰋). Более точное изображение дано А. Н. Харузиным, сообщаям: «...теперь султаны (власть которых пала) составляют особый род (без отделений) и имеют свою родовую тамгу (ханскую 𐰌)», а также (𐰍) [Харузин, 1889. С. 28, 151]. В нашей коллекции аутентичных знаков наиболее ранние образцы данной тамги представлены изображениями на кулпытасах Зухры (1844), дочери Жангир-хана, самого Жангира (1845) и Ермекжан-ханым (1850), жены Сеиткереея, сына последнего правителя Букеевского ханства. На известных памятниках предшествующей поры помещалась «хан-тамга» иного типа (см., например, Атан-ханым, 1824), и есть основание полагать, что данный стилизованный вариант династического знака-монограммы вошел в употребление в Букеевском ханстве при Жангире (1823–1845), возможно, в начале 1840-х годов.

Тамга 9 – знак, напоминающий по форме (𐰎) «хан-тамгу» правителей Букеевского ханства, но перевернутый на 180°. Этот ранее не известный знак представлен в коллекции небольшой серией «своеручных» тамг, принадлежащих султану Сыргазы (брату убитого в 1856 г. в Хиве правителя каракалпаков Зарлик-хана), сыну Абд ал-Азиза, сына Каип-хана II, правившего в Хиве в 1746–1756 гг. [ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 32. Л. 90–93об.] По-видимому, аналогичные знаки были зафиксированы Ж.-А. Кастанье на надгробных памятниках в Актюбинском уезде в 1906 г. [Кастанье, 1907. Таблица, 12; Castagne, 1921. P. 53].

Тамга 10 – знак в форме трезубца, основная фигура которого подобна тамге 9, но удлиненная осевая линия сильно выступает снизу (Ψ). Знак зафиксирован как персональная тамга султана Младшего жуза Ишмухаммеда (Ишджана) Айтанова, племянника Ермухаммеда (Илекея) Касымова [История Казахстана, 2012. С. 362 – 364], имевшего кочевье близ Хивы и активно содействовавшему последнему при побеге из хивинского плена в 1852 г. [ИКРИ-6. С. 304–305]. К сожалению, более подробных сведений о родословной этого чингизида пока найти не удалось. Ермухаммед Касымов (ок. 1819–1883), потомок Абулхаира по линии его сына Ералы-хана, был возведен на ханский престол в 1843 г. старшинами родов шомекей и кете поколения алимулы и ряда подразделений жетыру и байулы Младшего жуза, кочевавших в нижнем течении Сырдарьи, и до 1852 г. находился в подданстве Хивинского ханства [Ерофеева, 2001. С. 144–145; История Казахстана, 2012. С. 280–281]. Вместе с тамгами 8 и 9 рассматриваемый знак-трезубец был зафиксирован Ж.-А. Кастанье в 1906 г. на надгробных памятниках казахов «близь р. Жаксы-Каргала» в Актюбинском уезде [Кастанье, 1907. Таблица, 12].

Как указывалось выше, имеется еще один знак (Ѕ), который не упоминается в трудах дореволюционных авторов, но зафиксирован в служебной документации Оренбургской пограничной комиссии в 1850 г. как тамга султана Младшего жуза Кадыркали, внука Нуралы-хана. Однако, знак такого типа хорошо известен по памятникам мемориальной архитектуры Западного Казахстана как тамга сословия кожа [Ажигали, 2002. С. 563–564, рис. 418]. По-видимому, знак не может пока безоговорочно относиться к удостоверительным эмблемам торе, а выявленное противоречие документальных и эпиграфических источников требует дополнительного исследования.

Таким образом, *всего выделяется десять разновидностей тамговых знаков, использовавшихся казахскими торе, по меньшей мере, с конца XVIII до начала XX в.* Некоторые из публикуемых знаков ранее не были известны по литературным источникам, а выявлены и идентифицированы нами благодаря проведенным архивным изысканиям. Источниковедческий анализ доступных материалов существенно расширил возможности исторической интерпретации разнообразия форм династических знаков казахских чингизидов. Однако исследование знаков торе нельзя считать законченным. Дальнейшие комплексные изыскания в этой области требуют, во-первых, широкого привлечения разных видов источников, включая эпиграфические и археологические, и, во-вторых, изучения их наряду с удостоверительными знаками социальных групп кожа и туленгутов, тесно связанных с привилегированным сословием торе. На данном этапе исследования следует ограничиться несколькими предварительными заключениями, следующими из анализа имеющихся материалов.

Прежде всего нужно констатировать наличие статусных (пока не вполне ясных) отличий знаков торе. Так, на основании ряда авторитетных свидетельств выделяется группа знаков, идентифицируемых как «ханская тамга»: 1) тамга 3 – знак

«*джа-ок*, то есть лук со стрелой» (по П. С. Ефименко); 2) тамга 8 – тамга правителей Букеевского ханства (по Ибрагим Чингису, А. М. Харузину). Возможно, к этой же группе знаков относится тамга 9, «политический статус» которой каким-то образом может быть связан с казахскими чингизидами, управлявшими до середины XIX в. кочевыми племенами нижнего течения Сырдарьи и находившимися под юрисдикцией Хивы. Удостоверительные знаки других форм относятся к разряду так называемых «султанских» тамг, применявшихся разными представителями данного сословия в зависимости от каких-то определенных условий.

Сделанное заключение иллюстрируется таблицей (рис.2), на которой можно заметить, что распределение знаков на генеалогической схеме носит упорядоченный характер: с одной стороны, имеются тамги, присутствующие во всех родословных цепочках; с другой же, – есть группа знаков, связанных только с одной или несколькими ветвями торе, возглавляемыми общими родоначальниками. В последнем случае наиболее отчетливо выделяются следующие фамильные ветви: 1) потомков Абулхайр-хана начиная по времени с хана Жангира; 2) потомков Каип-хана II (1746–1756); 3) потомков Турсын-хана (ум. в 1717) и Жангир-хана I (ум. в 1652). Тамга правителей Букеевского ханства (тамга 8) не применялась чингизидами «старшей» ветви династии; тамга 9 зафиксирована пока только у потомков Каип-хана II; все другие представители «старшей» ветви династии не использовали знаки своих современников, принадлежавших к первым двум названным фамилиям, но те, в свою очередь, применяли некоторые общие знаки династии (тамги 3, 4 и 6). Следует подчеркнуть, что отмеченные особенности фамильного тамгопользования демонстрируются и небольшой серией знаков женщин – представительниц сословия торе (рис.4).

Таблица (рис.3) показывает хронологическое и типологическое распределение всех разновидностей знаков по выделенным генеалогическим ветвям казахских джучидов. На примере некоторых тамг, принадлежащих одним и тем же лицам или разным поколениям тамгопредъявителей в составе всех или нескольких генеалогических ответвлений, прослеживается неизменяемость форм знаков, что убеждает в их универсальном характере для династии казахских джучидов в целом. К таковым относятся знаки $\Pi\Pi$ и $\Pi\Pi$ или Π . Все остальные разновидности тамг типологически являются их производными вариантами, за исключением, очевидно, простейшей формы «тарак»-тамги $\Pi\Pi$, которая представляет собой иконический знак тамги казахских торе. Можно предположить, что знаки $\Pi\Pi$ и $\Pi\Pi$ или Π имели в означенный период статус *общединастийных тамг казахских чингизидов*, но за представителями основных генеалогических ветвей, вплоть до начала XIX в. сохранявших свою власть над большей частью казахских племен Среднего и Старшего жузов, оставалось приоритетное право на использование общединастийной тамговой символики в качестве идентификационных клановых знаков.

Остается не выясненным до конца значение тамги Π , известные предъясители которой принадлежат к разным ветвям династии и отличаются другими

индивидуальными особенностями: среди них есть мужчины и женщины, родственники и далекие родичи, торе и представители кара-суйек. Для решения вопроса о статусе этой тамги требуются дополнительные источники.

Выявленное разнообразие тамг казахских торе, несомненно, объясняется не только возникновением в определенный исторический момент фамильных знаков некоторых ветвей династии, стремившихся утвердить собственный суверенитет в той или иной части Степи. Следует помнить о многообразии условий тамгопроявления, начиная от статусных отличий участников правовых отношений и технических возможностей, влиявших на выбор ими того или иного знака (например, тавра для клеймения домашних животных), заканчивая индивидуальными способностями обладателя тамги. Только с учетом многих этих обстоятельств можно найти объяснение, к примеру, почему в 1852 г. султан Младшего жуза Ишмухаммед Айтанов (рис.5) в официальном прошении на имя председателя Оренбургской пограничной комиссии о принятии российского подданства поставил общединастийную тамгу казахских джучидов (П), а в присяжном листе тщательно вырисовал, по-видимому, свой фамильный знак (Ч) [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 416а. Л. 89, 99]. К сожалению, современный уровень изученности традиций тамгопользования казахских торе нуждается пока оставлять подобные вопросы без убедительного объяснения.

Выявление общединастийной тамги казахских торе неизбежно поднимает вопросы происхождения самого знака и родства казахских джучидов с другими ветвями чингизидов. Сходство «ханской» тамги далеких потомков Жанибека с тамгой крымских Гиреев, которое констатировали Н. А. Аристов и Д. Н. Соколов [Аристов, 1896. С. 287; Соколов, 1904. С. 17], кажется очевидным. По существу, этот факт мог бы стать решающим аргументом в дискуссии о происхождении Урус-хана, прямого предка первых казахских ханов Керей и Жанибека, по линии генеалогии, восходящей к Орда-Эджену или Тукай-Тимуру, сыновьям Джучи [см. обзор дискуссии и библиографию проблемы в: Ускенбай, 2013. С. 171–184]. Однако ряд обстоятельств препятствует однозначному решению проблемы. Одно из них связано с отсутствием источников, зримых материальных свидетельств, подтверждавших бы наличие у казахских джучидов XV–XVII вв. такой же тамги, как установленный общединастийный знак их потомков в конце XVIII – начале XX в.

Недавно стали известны новые данные, касающиеся принадлежности захоронения в мавзолее Алаша-хана (Центральный Казахстан) и времени сооружения памятника [Хорош, 2010]. Автором исследования, архитектором и реставратором Е. Х. Хорош, приведены убедительные аргументы для датировки памятника концом XVI в. и высказано предположение о принадлежности захоронения хану Хаккназару, сыну Касыма. Среди находок, сделанных в ходе реставрационных работ, привлекает внимание уникальное изображение «тарак-тамги» на строительном кирпиче [Хорош, 2010. Рис. 10, а, б]. Основа знака имеет форму общединастийной тамги казахских торе, усложненной некоторыми дополнительными элементами. В таком виде

знак напоминает одну из редких разновидностей тамги, принадлежность которой казахским торе, как сказано выше, сегодня не может утверждаться безоговорочно. Из трех других видов тамг, обнаруженных на строительных кирпичах мавзолея, лишь одна отождествляется с тамгой казахского племени аргын. Другие знаки аналогий среди казахских тамг не имеют. Таким образом, принадлежность «тарак-тамги» из мавзолея Алаша-хана, как и самого захоронения в нем, остаются до конца не выясненными. Эта ценная, но единичная и не атрибутированная находка, еще не решает проблему идентификации генеалогической эмблемы казахских джучидов позднего средневековья.

Другим обстоятельством, не позволяющим считать проблему исчерпанной, является существование самого знака «ханской» тамги в пределах казахстанско-среднеазиатского региона еще до монгольского завоевания. Прежде всего, речь идет о многочисленных предметных находках с городища Садыр-курган (Шельджи) в Таласской долине, которые отмечены таким знаком, нанесенным на слитки серебра, тарную посуду, на камень рядом с эпиграфическим текстом, выполненным куфическим письмом X–XI вв. (определение В. Н. Настича) [Камышев, 2009. С. 284–289, рис. 1, 2]. Зафиксированные знаки тождественны по облику «ханской тамге» (тамги 3 и 4) казахских торе и крымских тукай-тимуридов. Судя по характеру находок, как отмечает нумизмат А. М. Камышев, знак обладал высоким статусом [Камышев, 2009. С. 289], сопоставимым с государственно-династийной символикой «ханской» тамги джучидов. Такие же тамги встречаются на скалах в ущельях Кулансай, Терексай, Аиртамой и Урмарал долины р. Талас [Джумагулов, 1987. Табл. XV; Табалдиев, Белек, 2008. Рис. 2, 16–20]. Важно отметить, что на известных памятниках эпиграфики из Кулансая и Терексая три варианта тамги дважды сопровождают согдийские надписи и один раз – строка рунического таласского письма, датирующиеся концом X – началом XI в. Наконец, знаки в форме повернутого вниз трезубца, напоминающие одну из основных тамг казахских чингизидов (тамга 4), выявлены на городище Сидак в Туркестанском оазисе и уверенно относятся исследователями к «раннекангюйскому» наследству (см. статью Е. А. Смагулова и С. А. Яценко в настоящем сборнике). Таким образом, для окончательного решения проблемы происхождения общединастийной тамги казахских джучидов, как и многих других специальных вопросов тамгопользования казахских торе, требуются дополнительные изыскания.

Ажигали С. Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Гылым», 2002.

Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.

Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / Составление, транскрипция скорописи XVIII в., специальное редактирование текста и комментарии И. В. Ерофеевой. Алматы, 1998.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1896. С. 277–456.

Баллюзек Л. Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона // Записки Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 2. Казань, 1871. С. 45–167.

Баллюзек Л. Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона / Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные военным губернатором Тургайской области Л. Ф. Баллюзекком в 1871 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сборник 1. Алма-Ата, 1948. С. 159–222.

Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. I. Ташкент, 1889.

Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. Фрунзе, 1987.

Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1893.

Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). Алматы, 2001.

Ерофеева И. В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы, 2003.

Ефименко П. С. Юридические знаки // Журнал министерства народного просвещения. Четвертое десятилетие. Ч. 176. 1874.

ИКРИ–6 – Путевые дневники и служебные заметки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века / История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 6. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

ИКРИ–8 – О почетнейших и влиятельнейших ордынцах / История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 8. Ч. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

История Казахстана в документах и материалах. Альманах. Вып. 2. Алматы, 2012.

Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб., 1868.

Камышев А. М. Новые находки с городища Садыр-Курган // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1. С. 284–292.

Кастанье Ж. А. Развалины Болгасын и Челкарская степь // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. Оренбург, 1907. С. 217–227.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Мукатаев Г. К., Ирхина М. В. Султан Габайдулла Чингисхан, полный генерал от кавалерии. Документы и материалы. СПб: Изд. М. В. Ирхиной. 2003.

Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. 1. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии с.-з. Монголии. СПб., 1881а.

Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. 2. Материалы этнографические. СПб., 1881б.

Сабитов Ж.М. Генеалогия торе. Астана, 2008.

Соколов Д.Н. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т.13. Оренбург, 1904.

Табалдиев К., Белек К. Памятники письменности на камне Кыргызстана. Бишкек, 2008.

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925.

Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа / Переиздано с оригинала без изменений и исправлений в Алматы, 2014 г. Алматы, 2014.

Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ. 2013.

Харузин А.Н. Киргизы Букеевской орды. (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1.М., 1889.

Хорош Е.Х. Мавзолей Алаша-хан //Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сборник материалов международной научной конференции, г. Алматы, 23–24 апреля 2009 г. Алматы: Prinr-S, 2010. С. 359–378.

Castagne J. Les Tamgas des Kirghizes (Kazaks) // Revue du Monde Musulman. Vol. 47. Paris, 1921. P. 28–64.

К статье Таласбаевой А. К.
 РОДОПЛЕМЕННЫЕ ТАМГИ НАЙМАНОВ
 ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ XVIII–XIX ВВ.

Племя, род	И.Г.Андреев, 1785	А.И.Левшин, 1832	Л.Л.Мейер, 1865	Н.И.Гродеков, 1889	Н.А.Аристов, 1894	Н.Я.Коншин, 1905	М.Тынышпаев 1925	С.Аманжолов 1959	В.В.Востров, М.С.Муканов, 1968	Х.Аргынбаев, М.Муканов, В.Востров, 2000	По архивным документам XVIII–XIX вв. (ЦГА РК)
Найманы		∨	∨	∨			∨	∨	∨	∨	
Теристамгалы	Q					Q	Q	Q	Q	Q	Q
Сарыжомарт	Н)	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
Баганалы				У		У	У	У	У	У	У
Балталы				Р		Р	Р	Р	Р	Р	Р
Каракерей				↑	Q	↑	↑	↑	↑	↑	Q
Матай	Q			↑	Q	↑	↑	↑	↑	↑	Q
Садыр				П		П	П	П	П	П	П

Рис. 1. Схема сравнительного анализа основных литературных источников и архивных данных по тамгам найманов.

К статье Рогожинского А. Е.
 СОСЛОВНО-ДИНАСТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ КАЗАХСКИХ ТОРЕ

БҮЛҮЯ КОСТЬ
 САДЫКЪ
 БИРЪ КЕНИСАРЫ КАСИМОВА

Исследователи	Образцы знака "ханской" тамги	Источники, информаторы
Андреев И.Г. 1785 г.		Султаны Среднего жуза Абулфеиз, Салтамамет; архивы Тобольска, Омска, Семипалатинска и др.
Баллюзек Л.Ф. 1871 г.		Султан Младшего жуза Тлеумухаммед Сейдалин
Ефименко П.С. 1874 г.		Султан Младшего жуза Мухаммедгали Таукин
Потанин Г.Н. 1881 г.		Султан Среднего жуза Самаркан, потомок Абулфеиза
Харузин А.Н. 1889 г.		Султан Младшего жуза Шарафетдин Шигаев, правнук Букей-хана
Гродеков Н.И. 1889 г.		Султан Младшего жуза Даулет Бушаев (?)
Добросмыслов А.И. 1893 г.		Опыт ветеринарной службы в Тургайской области
Соколов Д.Н. 1904 г.		Архивные документы 1826 г. Оренбургской пограничной комиссии

Рис. 1. Сравнительный анализ источников по тамгам джучидов конца XVIII – начала XX в.
Составитель А. Е. Рогожинский. 2014 г.

Дата	Абулгаир-хан	Каип-хан II	Турсын-хан	Жангир-хан I
1785				ᠮᠦ
1795	ᠮ			
1824	ᠮ			ᠮᠮᠮᠮ
1828			ᠮᠮ	ᠮ
1832				ᠮᠮᠮᠮ
1835			ᠮ	
1836			ᠮᠮ	ᠮ
1839		ᠮ		
1843			ᠮᠮᠮᠮ	ᠮᠮᠮᠮ
1844	ᠮᠮ			
1845	ᠮᠮ			ᠮᠮ
1846				ᠮᠮ
1847				ᠮᠮᠮᠮ
1848				ᠮᠮ
1849			ᠮᠮᠮᠮ	ᠮᠮ
1850	ᠮᠮᠮᠮ			
1851		ᠮᠮ		
1852		ᠮᠮᠮᠮ		
1854	ᠮᠮᠮᠮ			
1855	ᠮ			
1856		ᠮᠮᠮᠮ	ᠮᠮᠮᠮᠮᠮ	
1858		ᠮᠮ	ᠮᠮᠮᠮᠮᠮ	
1861				ᠮᠮ ᠮᠮ
1865			ᠮᠮᠮᠮ	
1866				ᠮᠮᠮᠮ
1867	ᠮᠮ			
1869				ᠮᠮ
1871				ᠮᠮᠮᠮ
1876			ᠮᠮ	ᠮᠮ
1878	ᠮᠮ			
1879	ᠮᠮ			
1880			ᠮᠮ	
1886			ᠮᠮᠮᠮ	
Начало XX века	ᠮᠮᠮᠮ			
Варианты тамги	ᠮᠮᠮᠮ ᠮᠮ	ᠮᠮᠮᠮ ᠮᠮᠮᠮ	ᠮᠮᠮᠮᠮᠮ ᠮᠮᠮᠮᠮᠮ	ᠮᠮᠮᠮᠮᠮ ᠮᠮᠮᠮᠮᠮᠮᠮᠮ

Рис. 3.
 Распределение
 разновидностей
 тамги торе
 по хронологии
 и отдельным
 фамильным
 ветвям.
 Составитель
 А. Е. Рогожинский.
 2014 г.

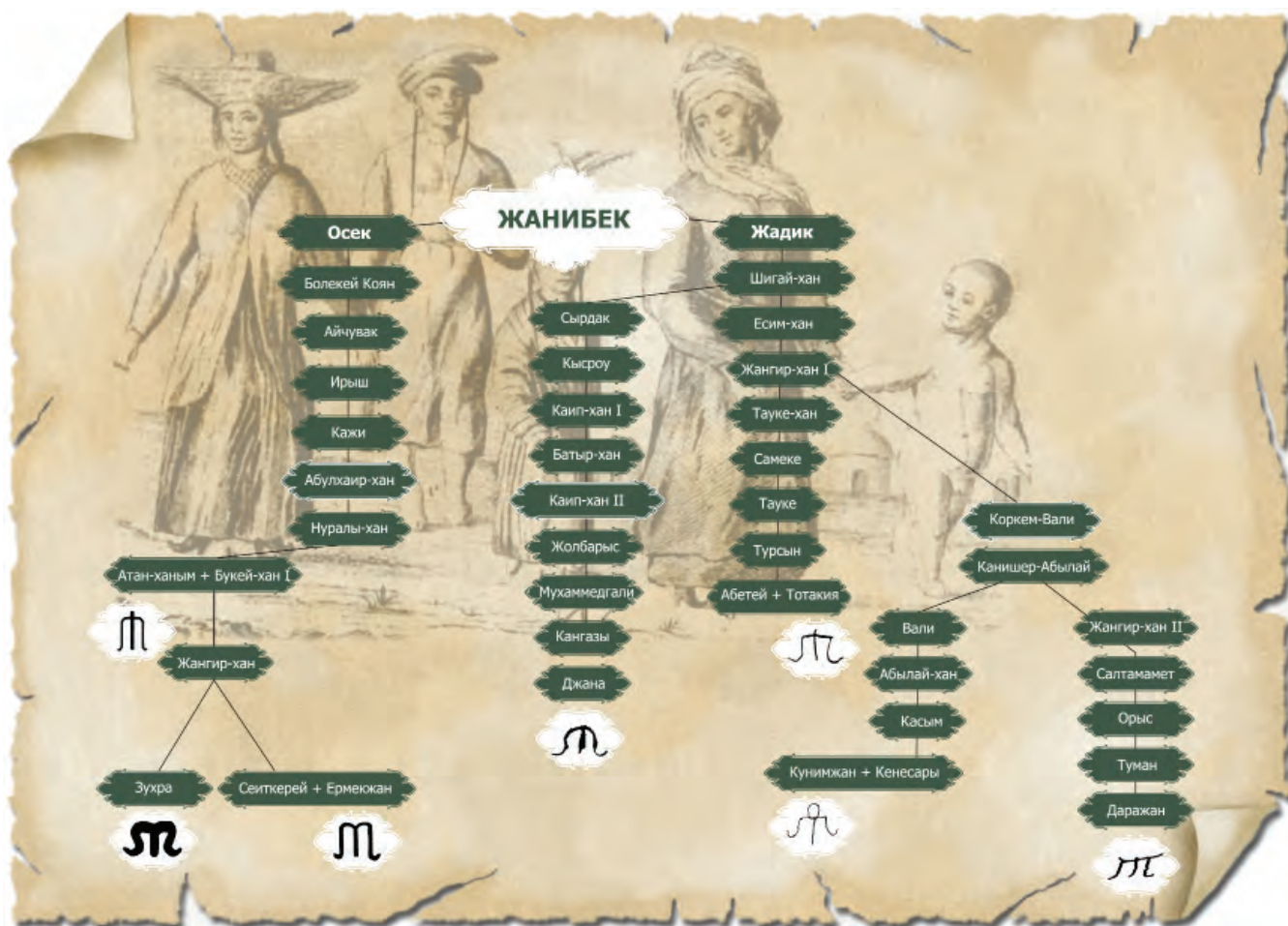

Рис. 4. Распределение разновидностей тамги торе по отдельным фамильным ветвям (султанши). Составитель А. Е. Рогожинский. 2014 г.

Рис. 5. Тамги султана Ишмухаммеда Айтанова на прошении о принятии российского подданства (вверху) и присяжном листе. 1852 г. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 416а. Л. 89, 99.

